

Наряду с общей положительной оценкой книги М. С. Муканова следует указать также на отдельные упущения. Так, в историографическом обзоре изложение трудов академика В. В. Бартольда (стр. 21), на наш взгляд, следовало бы переместить в предыдущий раздел, где рассматривались труды буржуазных ученых.

Неясна позиция автора в определении времени образования трех казахских жузов — он относит его то к XV, то к XVI вв. (стр. 23, 26).

При описании территориальных границ Среднего жуза в XVIII—XIX вв. М. С. Муканов не использовал богатый картографический материал Центрального государственного военно-исторического архива СССР и Отдела карт Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Автором недооценен трехтомный труд по истории, этнографии, демографии и географии Среднего казахского жуза, составленный офицером Генерального штаба М. Красовским. Это ценное исследование построено на богатейших документальных источниках и личных наблюдениях. В то же время следовало бы отметить характер служебной деятельности М. Красовского, те предпосылки, которыми руководствовался исследователь, и особо остановиться на необходимости критической оценки документальной основы труда и методов исследования М. Красовского. В этом случае стало бы обоснованным отрицательное отношение М. С. Муканова к труду М. Красовского, который до сих пор привлекает внимание исследователей. К сожалению, читатель не найдет этого в рецензируемой монографии.

Во второй главе «Вхождение Среднего жуза в состав России и расселение казахских племен (вторая половина XVIII — середина XIX в.)» предистория принятия русского подданства связывается только с борьбой казахов с Джунгарией. Автор не отметил сложившиеся в предшествующие века политические и экономические связи этого района с Россией, взаимную заинтересованность в объединении.

Статистические таблицы, которые должны были отразить динамику демографических процессов в Казахстане, не соответствуют этой задаче. Не все таблицы датированы и связаны с текстом, структура их не идентична. Специфика статистических источников, касающихся кочевых народов, требует при составлении таблиц привлечения и тщательного анализа целого комплекса документов. Автор же в ряде случаев разрабатывает таблицы, основываясь на единственном документе, без сопоставления его с другими источниками и разъяснения степени его достоверности, что ставит под сомнение полученные статистические результаты о населении жуза в XIX — начале XX в. В то же время те таблицы, которые отражают волостную систему, аналогичную родовой внутри округов, с указанием географии зимних и летних мест кочевков, представляют большой интерес.

Вызывает сожаление и то, что М. С. Муканов не привел развернутых родовых схем для всех изучаемых казахских племен. Богатый материал монографии давал возможность это сделать не только для конратов и кипчаков. Публикация подробных родовых схем, подобных тем, что уже опубликованы башкирскими, узбекскими, киргизскими учеными, позволила бы доскональнее разобраться в этнической истории казахских племен; они важны при разработке вопросов этногенеза.

В целом рецензируемая книга представляет, несомненно, большой научный и практический интерес. Автор поставил перед собой задачу изучения казахов Среднего жуза не только в этнографическом аспекте, но и в демографическом, и в основном эта задача решена им успешно. Все разделы книги по содержанию тесно связаны между собой, создавая целостную картину этнической истории казахов Среднего жуза в дореволюционный период.

В. Я. Басун, Н. Е. Бекмаханова

Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Ротапринт. Душанбе, 1974, 195 стр.

Ходжент (Ленинабад), крупный торговый и промышленный центр Востока, расположен в горловине Ферганской долины на перекрестке древнейших караванных путей. По числу ремесленных организаций этот город считался одним из крупнейших в Средней Азии. Еще в начале XX в. 40% его населения было занято в 103 отраслях ремесленного производства. Особенно славился Ходжент ткачеством. Здесь вырабатывалось 60 видов тканей — от простой бязи до высокосортных полудушевых и шелковых материй. Одних гладких, полосатых, клетчатых или абровых канаусов местной выделки было известно более 20 сортов. Ходжентские нарядные ткани вывозились не только в различные области Средней Азии и Казахстана, но и в Сибирь, Европскую Россию, на Кавказ, в Иран и Афганистан.

Изучению богатой своими традициями ткацкой промышленности этого древнего города посвятил исследование уроженец Ходжента Назиржон Турсунов.

Автор задался целью на материалах текстильных промыслов города Ходжента и его пригородов описать технику обработки волокна, сообщить о состоянии производства текстильных промыслов, выявить и показать развитие новых капиталистических отношений в условиях господства феодального способа производства.

Работа Н. Турсунова наглядно показывает, что «ремесло, являющееся прочной хозяйственной основой средневековых городов, было феодальной промышленностью, поэтому исследование его социально-экономической структуры позволяет глубже осветить историю феодальной общественно-экономической формации». Кроме того, изучение ремесла, которое уже само по себе вносит ценный вклад в разработку истории материальной культуры народа, может пролить свет на генезис капитализма в Средней Азии, углубить наше понимание истории формирования национального пролетариата и буржуазии.

В историко-этнографической литературе по Средней Азии данные о ходжентских ремеслах встречаются нередко, однако монографическое исследование, посвященное одной определенной отрасли ремесленного производства, появляется впервые.

Рецензируемая работа написана на основании собранных автором этнографических материалов и архивных данных, тщательно им изученных. Она дает исчерпывающую характеристику истории городского ремесла Северного Таджикистана и в полной мере соответствует той задаче, которую поставил перед собой автор.

Большое достоинство книги — ее четкая структура. Монография состоит из введения, двух обширных глав и заключения.

Во введении к книге (стр. 7—21) Н. Турсунов наряду с определением объекта исследования и его задач рассматривает литературные источники, анализирует материалы своих предшественников с XVI в. до наших дней. При этом автор умело обращается с источниками, оценивает их достоинства и недостатки, уважительно относится к тому, что было сделано его предшественниками.

В первой главе (стр. 107—150) обстоятельно рассматривается техника обработки волокна, освещается производство бумажной, духовой и шелковой пряжи. Значительное место отведено описанию техники изготовления различных видов тканей и их отделки. Такого рода описания известны и по работам других авторов, сообщавших сведения о качестве в Средней Азии, но рецензируемая работа значительно полнее и подробнее их. Наряду с характеристикой техники тканья и выработки тканей автор дает довольно подробное описание орудий производства, чертежи которых помещены в специальном приложении в конце книги.

Описывая орудия производства, употреблявшиеся в Ходженте в конце XIX — начале XX в., автор указывает, что ткацкие станки — основные орудия для тканья — были двух типов. Первый, наиболее распространенный, ручной станок, в котором челнок перебрашивался рукой; второй — станок с версталами, более усовершенствованный, появившийся в конце XIX в. На станке этого типа челнок приводился в движение не рукой, а специальным аппаратом — механической логонялкой. Естественно, что на подобном станке производительность труда была выше, чем на ручном.

Достоинство этой главы — хорошо разработанная терминология, касающаяся как различных способов обработки волокна, производства тканей, приспособлений и станков в целом, так и мельчайших деталей. Этот материал — хорошая основа для специального изучения ремесленной терминологии Средней Азии, исследование которой, несомненно, дало бы дополнительный этнографический материал.

Организации производства и производственных отношениях ходжентских ремесленников, обрабатывавших волокно, посвящена вторая глава (стр. 107—150). Она содержит довольно большой, добротное исследование материал. Особенно полно изложены сведения, касающиеся типов мастерских. Классифицируя типы предприятий, автор приходит к правильному выводу и том, что их размер, количество рабочих рук, положение социальных групп ремесленников и система производственных отношений зависели прежде всего от широты и емкости рынка. Малые мастерские, которые занимались, по определению автора, «элементарным промыслом», обеспечивали потребность местного рынка. Их продукция редко шла на вывоз. Владельцами таких мастерских были ремесленники-одиночки, работавшие без помощи наемных мастеров. Особым типом ходжентских предприятий были средние по своим размерам мастерские, которые Н. Турсунов определяет как феодальную корпорацию, ближайшую предшественницу мануфактуры. Хозяева мастерских были той социальной прослойкой, из которой в исследуемый период вышли предприниматели и образовалась прослойка наемных мастеров.

Так же подробно изложены сведения, относящиеся к мастерским мануфактурного типа. Весьма тщательно описаны автором состав работавших в них людей, условия труда и оплаты. Интересны и сведения о владельцах этих мастерских, среде, из которой они выходили, их положении в производстве и торговле. Проделанный Н. Турсуновым анализ материалов свидетельствует, что в Ходженте в рассматриваемый период концентрация ткацкого производства была выше, чем в Бухаре и в других центрах ткацкого производства Средней Азии. Это, по мнению автора, выразилось в увеличении концентрации средств производства и в слиянии мелких мастерских в крупные предприятия. Большой интерес в этом разделе представляет исследование углубившегося в связи с развитием ремесленного производства разделения труда.

Один из центральных моментов рецензируемой работы — анализ социальной организации ремесла (гл. II, разд. 2). Рассматривая социальные группы ремесленников, автор пишет о большом значении самостоятельного ремесленника — хозяина маленькой мастерской и ремесленника — хозяина мастерской с небольшим числом наемных работников. Н. Турсунов показывает, что владельцами мануфактуры в исследуемый период были капиталисты-предприниматели, а функционирование предприятий основывалось на эксплуатации труда десятков наемных работников (халифа). Автор вскрывает личное зависимое положение, в котором оказывался наемный мастер. В этой связи он исследует сущность института «бунак» («бунак» — денежный аванс, который халифа получал от предпринимателя при поступлении к нему на работу). Таким образом, предприниматель получал гарантию, что халифа не уйдет на другую работу, не возвратив долга.

Существенным дополнением к этому разделу является анализ социальных групп крупных предпринимателей и скупщиков. В работе уделено внимание еще одной фигуре на ходженском ткацком предприятии — ученику и его положению в системе производственных отношений. Обращает на себя внимание рассмотрение структуры корпорации ремесленников, а также материалы о деятельности старшины цеха и функциях цеховых собраний. В разделе характеризуются также религиозные представления и верования, породившие у ремесленников особые культы, которые связывались с мифическими основателями ремесла и его отдельных отраслей. Эта часть работы содержит много интересных этнографических деталей.

Материал третьего раздела II гл. свидетельствует о том, что изучение иерархии цеховых организаций, их трансформации в различные периоды феодализма имеет большое значение для освещения социальной истории народов Средней Азии.

При общей положительной оценке работы необходимо отметить, что автору не удалось избежать и некоторых недостатков. Так, организация труда и условия работы в мелких и средних мастерских освещены сравнительно скупо. Проследив эволюцию структуры и характера ремесленных корпораций, автор приходит к заключению, что для ремесленных корпораций на раннем этапе развития феодальной промышленности был характерен цех с двучленной системой производственных отношений (мастер — ученик). А позднее, с развитием товарно-денежных отношений и расширением рынка, появился цех с трехчленной системой (мастер-хозяин, наемный мастер и ученик). Дальнейшее развитие социальной структуры ремесленных корпораций, по мнению автора, привело к появлению в цехах текстильного производства Ходжента новой фигуры — *нимкор* (подмастерье). Нам кажется, что здесь автор не совсем точен. Прежде всего, вызывает недоумение неувязка при описании автором функции цеха в условиях развитой мануфактуры в Ходженте. Рассматривая организацию цеха, существовавшего при развитой мануфактуре, автор, однако, дает почти патриархальную картину. Недостаточно четко определены обязанности халифа в мастерской. Нечетко определяется положение халифа и по отношению к цеху. Вопрос о статусе *нимкора*, которого автор считает подмастерьем, также не доработан. Поэтому при чтении монографии складывается впечатление, что ученик и *нимкор* в системе производственных отношений — одна и та же фигура.

Книга не лишена и известных повторений. Кажется несколько неуместным постоянное выделение местных терминов шрифтами. Вероятно, было бы лучше выделять их лишь при первом упоминании, тем более что в книге помещен соответствующий терминологический указатель.

Подводя итоги, следует отметить, что исследование Н. Турсунова вносит заметный вклад в изучение среднеазиатского городского ремесла. Автор успешно разрешил сложную задачу этнографического изучения текстильного производства в Ходженте. Можно с уверенностью сказать, что работа эта войдет в основной фонд трудов, посвященных изучению жизни городов Средней Азии конца XIX — начала XX в.

Е. М. Пещерева, Р. Р. Рахимов